

## Дарья СИМОНОВА

### БРОНЗОВАЯ ЧТИЦА

#### *Рассказ*

*Статуя тоже женщина несчастная, она графа любит.  
«Формула любви»*

...Они, конечно, чувствуют, что мы отчасти живые, но почему же тогда ведут себя так странно? Клавдия говорит, что не могут совладать с inferнальным притяжением, и потому глумятся. Когда нам разрешили ходить, добрая женщина объяснила мне, что статуи всегда были объектами тайного и явного вожделения, но люди не знали, что с этим делать, поэтому прикрывали устремления фривольностью. Но я подумала, что в этом нет ничего грязного. Клавдия не успела ответить, потому нам пора было возвращаться на свои места.

Однажды нам разрешили ходить по ночам. Изредка и недолго, когда в метро никого нет. Во всяком случае, как только мы чуем приближение человека, быстро прыгаем обратно на пьедестал. Клавдия рассказала, в чем дело, она-то пожила на свете гораздо дольше, чем я. Империя развалилась, и все ее символы зашаталось и забродило во всех смыслах. Подземный мир по-своему реагирует на верхние перемены. А до этого много лет мы сидели неподвижно. Впрочем, годы я не считаю, это невозможно. Времена для меня – смена фасонов. А к ним уже подгоняются лица. Скульптор, который меня «делал», как-то сказал, что человеческая, да и любая красота, функциональна. В противном случае, вредна. А я думаю, что все наоборот: функциональность совершенна. Как прекрасно, что созданное природой всегда имеет объяснение. Доступнее всего эта модель описана в «Красной шапочке»: бабушка, зачем тебе такие большие зубы?... Однако если не углубляться в сюжет, нельзя не признать, что волк – красивое животное.

Но я не рассуждаю, а всматриваюсь. Боюсь пропустить родных. Они появляются очень редко, потому что живут в другом городе. А я попала сюда, на станцию метро «Площадь революции», аккуратно под самое Лобное место, где целое сборище таких, как я. Не попавших на небо. Но придется рассказать все по порядку.

Те, с кого изваяли скульптуру, после смерти могут попасть в свое бронзовое тело. Или гипсовое – материал не играет роли. Есть другое условие – скульптура должна стоять под землей. Наверное, это облегчение для материализации, но я путаюсь в теме. Просто ничего не смыслю. Свою надземную жизнь помню фрагментарно. Я так решила – порезала память, как киноленту, чтобы о многом не жалеть. 1930-е годы. Мы жили в Ленинграде – мама, моя сестра Мария... Отец мотался по командировкам, мы его видели редко. Отложилась в памяти секция художественной гимнастики, упражнения с лентой... Заниматься с мячом и булавами я терпеть не могла, а извивающийся в воздухе атласный орнамент завораживал. Хотелось управиться сразу со многими разноцветными летящими вьюнками. Но это под силу только лишь шестирукой богине... и в богинь этаких я не верила.

С сестренкой жили дружно, как и положено близнецам, но меня никогда не покидало ощущение, что это согласие зыбкое, ненадежное. Однажды оно треснуло. Случайно и нелепо, но когда что-то должно случиться, веской внешней причины не требуется. Все началось с того, что у сестры появился парень. А у меня нет. Меня поразило, что я – не первая, хотя мы никогда не соперничали. Но видно до поры до времени. И во мне проснулся бесенок. Я решила, что просто обязана быть ярче и заметней сестры. Шутки ради предложила ей встречаться с ее молодым человеком попеременно – дескать, прочухает ли разницу? Сестренка встревожилась всерьез, с тех пор наши отношения разладились. И меня понесло. Мама не переставала удивляться моим выкрутасам: почему с одной девочкой все гладко, а вторая вдруг стала отпетой хулиганкой?! Я, как положено хулиганке, связалась с дурной компанией, стала хуже учиться. По числу кавалеров я быстро обогнала Машу, что было нетрудно: она все так и ходила с тем, первым... С моей же стороны гулянки были показухой в пику семье. Однако они и понятия не имели о с недавней меня зависти. Или ревности – никогда не могла подобрать этому жгучему чувству верное название.

Потом – война. Я пошла на курсы медсестер, попала на фронт. И погибла. Не хочу даже вспоминать о том, сколько я натворила по глупости. Привыкла думать, что это судьба. Или

причина в том, что ангел-хранитель у близнецов один на двоих. А, может быть, их двое, но они в сиамской спайке, это неважно. Важно, что ангел отвернулся от меня, и остался с сестренкой. Она выжила в блокаду. Вышла замуж... О родителях я ничего не знаю, но Марию однажды увидела. Этот день мне не забыть. Она с детьми приехала... искать меня. В метро былолюдно. Из бронзового тела смотришь, словно сквозь мутную линзу. Слышимость тоже не ахти, но слова тех, кто подходят близко, разобрать можно вполне. От грохота поездов страдают самые чувствительные из нас, я не из их числа, и давно привыкла к шуму. Заметив знакомое лицо, я подумала, что обозналась. Ну разве могла я поверить, что достойна... нет, я догадываюсь, что по умершим тоскуют, но поскольку я анфан террибль, то и не надеялась, что на меня придут посмотреть. Мария упорно бродила по Площади революции, что-то взволнованно объясняла детям, всматриваясь в безымянных героинь советского эпоса. Хотя моих племянников больше радовали партизаны-матросы и тот самый многострадальный Мухтар, чей нос захватан до лысого блеска. Маша меня не нашла. Здесь 76 скульптур. Целый лабиринт. С ним лучше не связываться. Кажется, чего проще – отыскать собственную копию ведь мы с сестрой словно одним полотенцем вытерты... Но легкость обманчива. Бронза – не полотно, скульптура не портрет.

К тому же я тут совсем не похожа на себя при жизни. Это явилось одним из сильнейших моих разочарований. Позировать я стала из любопытства, но быстро прокляла это неподвижное занятие. Откуда я знала, что войду в массовку истории? И мне не понравился скульптор. Он сделал из меня какую-то скучную зубрилу с книжкой. А физиономия вышла и вовсе не моя. Совсем детская, прилежно-ученическая. Даже моей тогдашней наглости не хватило, чтобы выдать мэтру порицание, но, видно, у меня на роже все было написано. Мэтр полоснул меня насмешливым взглядом и заявил, что придал моим чертам «идеологическую завершенность». Родным я толком и не рассказывала, что меня увековечили таким сомнительным способом. Странно, что об этом узнала Мария. И что она вообще захотела об этом знать...

Хотя что тут странного! Ведь она любила сестру-оторву. Правда, и боялась, но все же делала робкие попытки вернуть меня на старые рельсы. Сама осталась прежней – впечатлительной большеглазой тихоней. Жаль, что скульптура не передает масть. Мы с сестрой были... хотя какое это теперь имеет значение.

Попала я в натурщицы из-за любви. Познакомилась со студентом Академии художеств. Оригинальный тип. Очень светлый мальчик, но была в нем потерянная, хрупкость. Учил меня рисовать. Безнадежная затея. А я его учила играть в карты. Между нами ничего не было. Он сказал, что у меня чудная спортивная фактура, и хотел писать портрет. Но с налету у него не получилось, и он передумал. А потом привел меня к Матвею, сославшись на то, что любое дело лучше доверять мастеру. Матвей уже был известен в узких кругах. Мне он показался занудой. Мой студент предупреждал, что у скульптора должен быть тяжелый характер, иначе у него не выйдет монументальных творений. Я пыталась разрядить обстановку, что-то болтала... Но мастеру нравились только литые девочки. Он думал, что они не говорят.

С моим студентом так ничего и не вышло. Он сгинул. Его исчезновение заставило меня страдать. Только потеряв его из виду, я поняла, что влюбилась. А он однажды не пришел на условленную встречу, и с тех пор мы не виделись. Я знала, что он заходит в мастерскую к Матвею. Но там мы не пересекались, а выдавать хмурому ваятелю свою амурную неудачу мне хотелось. Об этом даже и думать было стыдно!

Судьба свела нас здесь. Мне и в голову не приходило, что студент тоже позировал! Когда мы смогли бродить по вестибюлю, я прежде всех познакомилась с Клавдией. Она сидит с курами, изображая передовую сельхозтруженицу. Что ее невероятно веселит. Клавдия, в отличие от меня, прожила длинную жизнь, повидала всякое. Она оптимистка. Единственная из нас умеет смеяться. Но человек такие частоты не воспринимает. Клава рассказала мне, что о нас насочиняли кучу сюжетов. Про «Каменного гостя» уже и речи нет. Последняя новость, которую застала Клава при жизни, – сказка про Мэри Поппинс, где есть статуя мальчика... Еще товарка замучила меня графом Калиостро. Про материализацию и все такое... «Неужели не читала?!» Да, не читала. Я сразу объяснила, что мне это неинтересно. И читать я не очень люблю. Хотя по иронии судьбы теперь вечно сижу с книжкой. Один остряк обозвал меня бронзовой чтицей. Его спутница вяло заулыбалась. Значит, это должно быть смешно? Моя наставница-энциклопедистка на прогулке выдала мне справку о повести Рыбакова. Но меня вовсе не порадовала такая игра слов. Я слышала и позабористей.

Благодаря Клавдии, я и приметила своего студента. Она обратила внимание на «симпатичного». Он почти никогда не вставал с места. Ведь мы очень боимся быть застигнутыми

врасплах любым катаклизмом. Таимся от людей, чтобы не нарушился миропорядок. Но я ведь в этом не разбираюсь, потому не умничаю. Вижу, что Клавдия гуляет, – значит и мне можно. Она самая бесстрашная. А студент мой тонкой душевной организации. Ему сложно. Я его не сразу узнала. Он тоже на себя не похож. Но различать надо не внешние формы, а ощущения от тела. Ведь любая статика – это зародыш движения, которое в любой момент... словом, надо не столько смотреть, сколько чувствовать. Когда я его узнала, я застыла, как вкопанная. Не для того, чтобы вызвать на контакт, просто оцепенела. Непрожитая жизнь захлестнула. Господи, думаю, да ведь самое лучшее во мне – это то, что со мной не случилось...

Первый раз мне показалось, что студент меня не узнал. В надземной жизни так и произошло бы. Кто я ему? Даже не эпизод. Но когда я подошла к нему на другой день, он спрыгнул мне навстречу. И мы оба испугались. Волна притяжения, если ей позволить, сметет все на своем пути. Даже страшно представить, что будет. После стольких лет вхолостую... Да и как могут любить друг друга две статуи?! Как в анекдоте: «Господа гусары, молчать!» Падение астероида и то легче представить. Не бронзовая это привилегия – страсти.

Недаром «инженеришка», как называет Клавдия одного персонажа из нашей компании, почуяв недоброе, перекрестился. Да так у него кисть щепотью и осталась. Но люди в массе своей не замечают, перемена в позе крошечная. Ее сечет только взгляд не замысленный.

И вот мы со студентом иногда спускаемся и смотрим друг на друга. Не говорим. Даже Клава своднические услуги не предлагает, понимает, чем чревато. Как заметит, что я во время прогулки задумалась, сразу отвлекает меня рассказками. Про то, как ее трогают, а ей нравится! Вот ведь, неугомонная баба... Радует ее, что статуи не испытывают недостатка в тактильном контакте: и про Джульеттину правую грудь в Вероне, и про святого на Карловом мосту, а уж что говорить про коней и собак... Клава уйму всякой шелухи знает, словно не статуя, а лягушка-путешественница!

Я лично к домогательствам равнодушна. Но люди мне не мешают. Они временами забавные, временами злые, – как тигрята. Но однажды я испугалась не на шутку. Пронесся слух, – Клава донесла, конечно, – что один толстосум хочет кое-какие статуи выкупить. Что ему до национального достояния, сейчас за деньги можно все... И будто бы ему, среди нескольких «счастливчиков» приглянулась я. О нет, только, не это! Прозябать у какого-нибудь особняка – незавидная участь. Частная собственность – это совсем другой статус!

Это я, глупая, так кумекала, совсем упустив из виду самое главное – что перестану быть собой. Попаду в облака, и там меня встретят мириады душ... Среди них мамочка, папа, сестренка. Она ведь уже умерла, конечно. Редко-редко вижу ее детей и внуков. Один из них, пожалуй, молодой человек с чутьем и знает меня, но дело не в этом... Воспарить – это по-божески, правильно. Только я здесь привыкла. Все же там мириады, а здесь нас меньше сотни. И пусть это гордыня – а мне все равно! Я здесь не обжиманий жду. У меня маленькая миссия. Одни припозднившиеся около полуночи глазели на меня, – приличная пара, может супруги, а может, любовники. И вдруг дама вся засветилась. Вскрикнула: «Боря, он зашевелился. Первый раз!». А Боря отвечает: «Почему он? Может быть, она...»

Я вроде тут не при чем. Дитя в чреве задвигалось. И когда кто-то у меня под туфлей встречи назначает, с кем-то мирится или знакомство заводит, – я тоже только декор. Или все же я, пропащая, работаю талисманом? Никто мне не ответит, но я должна сидеть на своем месте и точка. Если есть хотя бы тысячная доля вероятности, что я – счастливая примета, так не сойти мне с этого места.

Эстету с мощной нас-таки не продали. А мне вспомнился Матвей: его такой ход событий, пожалуй, взбудрил бы. Перед войной он переехал из Питера в Москву, и, как я слышала, заматерел в фаворе у чинов. Да и на здоровье! Свой кус отхватил, а теперь о нем мало кто не помнит. Разве что тот самый узкий круг. Прав он был, наверное, когда говорил, что у каждой фактуры свое предназначение... Или это были слова моего студента...

